

Портрет художника на фоне города

Фотографика Кати Голицыной

Старый, довоенный еще “мерседес” медленно проплывает по центру Москвы. В его лакированных бочках и тщательно промытых окнах отражаются то шпиль сталинской высотки, то златоверхая церковь, то невысокий ветхий особнячок рядом с торжественным доходным домом в кружеве первой листвы. Неспешное путешествие по эпохам можно совершить в Государственном музее А.С.Пушкина, в преддверии Дня города открывшем выставку Кати Голицыной “Москва премилая старушка...”

Молодая миловидная “фотографиня” (а на самом деле княжна, принадлежащая к знаменитой фамилии Голицыных), десять лет назад ставшая в Париже лауреатом конкурса “Фотографы Восточной Европы”, сегодня входит в двадцатку известнейших фотохудожников столицы. Родной город стал лейтмотивом ее творчества – его улочки и дома, его контрасты и парадоксы, постоянное соприкосновение старого с новым Голицына обыграла в начатой еще в 1995 году серии “Москва”, цикле “Москва в окне “мерседеса” (2001) и в новом цикле “Пушкинская Москва”, ныне впервые представленном публике. И вполне закономерно, что в своих стенах все эти произведения, добавив к ним старинные гравюры с видами столицы, принял музей на Пречистенке – место знаковое и для истории города, и для самой художницы.

В уютной ампирной усадьбе, с 1960-х годов полнящейся предметами и приметами пушкинской эпохи, когда-то работала ее мама, занимаясь старинной графикай, – как знать, не этот ли дом Катиного детства, как она сама его называет, помог найти и профессию, и тему для творчества? Впрочем, похоже, связать жизнь с искусством студентке Московского полиграфического института было предначертано судьбой: художников, коллекционеров и меценатов в роду Голицыных немало, а среди ближайших родственников – замечательный книжный график Борис Диодоров, единственный в России обладатель международной премии имени Х.-К.Андерсена.

Подсказала направление пути, вероятно, и дипломная работа Кати – серия иллюстраций к книге бытописателя Москвы В.А.Гиляровского. А тот особый метод, который выделяет художницу из сонма людей, работающих в сфере арт-фотографии, возник случайно, в соответствии с поговоркой: не было бы счастья, да несчастье помогло. Впервые съездив за рубеж и вволю нащелкав виды Египта, дома, проявляя снимки, Катя с ужасом обнаружила, что пленка испорчена. Пришлось взять в руки привычную кисточку и провести ручную ретушь – под ней, оживившей пропавшие было кадры, родился новый стиль, называемый теперь “фотографикой”. В этой манере исполнено множество фотографических серий и проектов, в последние 15 лет превратившихся в персональные и групповые выставки в России и за рубежом: Москва, Лозанна, Венеция, Инсбрук... Это запомнившиеся многим “Парижские кафе”, “Портреты старых автомобилей”, “Территория Ситроен”, “переУЛОК”, “Портрет саксофона”, “Ткань и плоть”, “Ориентальное ин-

термеццо”, “Китайский натюрморт”, “Портрет поэта”, “Верблюды”, “Портрет Харлея”... Это и посвященная Москве поэтическая книга Карины Филипповой “Стою я на семи холмах”, оформленная авторскими “фотогравюрами” Кати.

Пассеизм и рефлексия нет-нет да проступают в изображениях Солянки, Пятницкой улицы или Маросейки, под давлением времени рискующих расстаться с былым очарованием и “лица необщим выраженьем”. Усвоившая уроки постмодернизма, в своих городских ландшафтах Катя Голицына разрабатывает актуальное “археологическое” направление в фотоискусстве. К реальной сценке, выхваченной из потока повседневности, художница добавляет свои акценты, с помощью тончайшей кисти то усиливая, то приглушая звучание деталей. В результате в заурядной бытовой “картинке” открываются новые смыслы, за одним, поверхностным, пластом восприятия возникают второй и третий – и вот уже мы не просто катим по Москве на ретроавтомобиле, притормаживая у светофоров, но упоенно считываем радующие и печальщие главы ее истории. В окна авто вместе с отражениями деревьев заглядывают тени прошлого. И вдруг выясняется, что не так велика дистанция от ставшей заглавием выставки шутивно-фамильярной фразы юного Пушкина из послания Всеволожскому: “В почтенной кичке, в шушуне Москва премилая старушка. Разнообразной и живой Она пленяет пестротой”, – до трагической интонации “Рождественского романса” Бродского, где “глывет в тоске необъяснимой певец печальный по столице”: “... и выезжает на Ордынку такси с большими седоками, и мертвецы стоят в обнимку с особняками”...

Мотив дороги приниживает русское искусство XIX века. Город нового времени, с бесприютным человеком посреди домов-громад, стал героем художников на рубеже того столетия, который Ахматова назвала “железным”, и нового, от Мандельштама получившего эпитет “век-волкодав”. Технические новации вдохновляли итальянских футуристов и русских авангардистов, а фотоаппарат пришел на смену мольберту и этюднику в 1920 – 30-е годы. Разные грани ощущения жизни, несхожие способы передачи мира соединила Катя Голицына, зачарованная старой техникой не меньше, чем старинной архитектурой, но, будучи женщиной, к тому же русской, в грохоте мегаполиса умеющая услышать нежную мелодию. Она создает свои легкие, изящные, словно на одном дыхании написанные сюиты, превращая жесткий снимок в подобие воздушной акварели. Пишет свои этюды сложно: сначала фото, потом – кисть с йодом по сырому еще отпечатку, который нужно переснять, а уж после можно тиражировать, как гравюру. Но в отличие от упивавшихся стихией цвета импрессионистов и брутальных фовистов Голицына пишет свои пейзажи в черно-белой гамме, всякий раз открывая в черном массу оттенков, приглашая и нас любоваться нюансами света и тени.

Елена ТИТАРЕНКО

Е.Голицына. “Арбат, 53”. Из серии “Пушкинская Москва”. 2004 г.

Катя Голицына - 2004 - 26 авг. - 1 сент. - 17